

... Вчера на территории ГАИШ я увидел странное маленькое сооружение, по виду неиспользуемое уже давно, окруженное запущенным парком-лесом. Недалеко от него в траве пряталась стая бродячих собак. Мне пришло в голову, что это здание – метафора или даже сам инспиратор дискурса современного искусства, точнее – его конца, отсутствия, вынужденности из него всех смыслов. Потому что из этого здания – как мне сказал встреченный в парке сотрудник института – давно вынули измерительный инструмент, который там когда-то находился. Что это такое было точно, он мне сказать не смог, вроде – какая-то разновидность теодолита. Но, может быть, и ирисовый микрофотометр или полуавтоматическая измерительная машина "Аскорекорд", используемая на кафедре звездной астрономии и астрометрии.

Понятно, что тут речь идет не о всем современном искусстве, а только о моем отношении к нему, о моей к нему «пристройке»: мои личные «измерения», мой личный эстетический дискурс не работает, нет инструментов, время вышло и т.д., т.п.

А я ведь и начинал свою личную историю в языке не с искусства, а с астрономии и в самом начале 60-х годов ходил в астрономический кружок во дворец пионеров. И бывал в ГАИШ тогда, на каких-то олимпиадах и экскурсиях.

Вообще дискурс московской концептуальной школы – как я его понимаю и чувствую – прекратился к середине 90-х годов. Прекратилась «связь со звездами» для этого течения, направления в искусстве. Исчезла его метафизика и начались блуждания по «лесу» - для КД – в буквальном смысле слова, мы начали делать, в основном, лесные акции. Представим себе нашу полевую акцию «Время действия» с вытягиванием из леса веревки в виде картины. Тогда лес, из которого вытягивалась веревка – это будет аналог рамы картины. С одной стороны рамы как края картины, ее ограничения, с другой стороны – рамы как той диффузной зоны, где картина (искусство) переходит в «некартинность», в жизнь. Сама же поверхность «картины акции» представляла собой минималистскую картину в том смысле, что там было очень много пустоты (пустого поля) и чуть-чуть действия на этом пустом поле: маленькая группа людей вытягивала из леса в центр этой пустоты очень длинную веревку. То есть на картине была проведена всего одна линия (веревка) с севера-востока на юго-запад. Вокруг этой группы людей было очень много пустоты, свободного пространства, было, как говорится, «далеко видно».

Но постепенно, с годами, наша группка переместилась в лес, в раму картины, а сама картина – исчезла. Мы оказались внутри леса как внутри рамы. Исчезло, собственно, само искусство, и мы погрузились в какие-то жизненные дебри. Это особенно видно по нашей последней акции (ко времени написания предисловия) – «130», где практически всю поверхность «картины» занимает толстенная рама, лес – из надгробных и мемориальных плит, стел, скелетов и т.д. Ведь искусство для нашей методологии, для КД – это умение держать как можно больше пустоты вокруг нас. Чтобы жизнь была как можно дальше от нас, там где-то, в виде дальней стены леса, как это всегда и было. И вот это искусство ушло, прекратилось, исчезла эта методология КД как исчез неизвестный измерительный прибор из странного желтого домика на территории ГАИШ с железной раздвигающейся крышей.

Но таинственность, притягательность этого опустевшего (?) сооружения, лишенного своей функциональности и инструментальности, сохраняется в высокой степени (лично для меня), в значительно большей степени, чем функционирующие по своему прямому назначению другие сооружения института – башни с телескопами, само главное здание, какие-то свежеекрашенные железные ангары и т.д. ...

А.М. весна 2012

